

18+

Владимир Крючков

Душа души моей...

Сборник флэш-рассказов

Владимир Крючков
Душа души моей...
Сборник флэш-рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42648032

ISBN 9785449687913

Аннотация

Сборник флэш-рассказов, основанных на событиях из жизни автора и его знакомых. В случае совпадения событий, описанных в книге, с реальными событиями, считать их действительными и неслучайными. Всем, узнавшим себя, извинения авансом.

Содержание

ОБ АВТОРЕ	7
ВЕРЕЯ	8
КУИНДЖИ	11
МОЛОКО ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЫ	15
ГЕРА	18
ЭМБРИОН	20
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИНВАЛИДНОСТЬ	23
С ВЕТРОМ В ПОЛЕ	25
СКРИПАЧ В ПРОМОРОЖЕННОМ ЗАЛЕ	28
БОЛЕРО	31
ЖИЛ НА СВЕТЕ РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Душа души моей...

Сборник флэш-рассказов

Владимир Крючков

© Владимир Крючков, 2019

ISBN 978-5-4496-8791-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСЛЕД ЗА ХЭНКСОМ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Мне нравится Том Хэнкс как актер. Обычно в пустых фильмах он не снимается. Кроме, пожалуй, серии фильмов по Дэну Брауну. Поэтому, когда я увидел книгу его рассказов, купил немедленно. Недавно я с переменным удовольствием прочитал прозу Стивена Фрая и Хью Лори. Обычно я предпочитаю книги режиссеров, но избранные актеры тоже обладают даром письма. Кстати, интересно было бы почитать прозу Энтони Хопкинса...

Рассказы Хэнкса не разочаровали, но и не очаровали. Один рассказ все же привлек внимание названием – «Здесь думы сердца моего». Его содержание показалось мне занят-

ным, и когда я задумал сам написать что-либо подобное, то еле устоял перед соблазном дать своему сборнику рассказов это название. Копирайт? Да я всегда был сторонником Антикопирайта, если при этом автор указывает первоисточник. Это, по-моему, честно и не ущемляет ничьих прав. Но впоследствии эта идея показалась мне банальной и я задумался над оригинальным названием. Правда, все время сбивался на «Былое и думы». В итоге Державин одержал чистую победу.

Правда, под «душой души моей» я, в отличие от Гавриила Романовича, разумею не Б-га, а Её Величество Жизнь – прекрасную и неповторимую.

Формой выбрал «ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы» без определенного плана и внутреннего сюжета. Ну, чуть-чуть кое-что приукрасил, кое-о-чем умолчал. Моя жизнь – как хочу, так и описываю. Конечно, мне не безразлично, понравится моя книга кому-либо или нет. Я старался. А дальше, слегка перефразируя средневекового мудреца Аль-Маварди – «и если у писателя установилось мнение, ничем не смущенное и не подверженное сомнению, то пусть читатель следует ему и не ополчается на него, если впоследствии промах и постигнет ошибка, ибо Божественные предначертания сокрыты, а Божественный рок – победитель».

Как-то так.

Автор

Май 2019

ОБ АВТОРЕ

Закончил химфак МГУ, доктор экономических наук.

Женат, две взрослых дочери.

Пенсионер, но для солидности называет себя фрилансером.

По работе не скучает.

Ленится с удовольствием.

Критичен, иногда до желчности, поскольку когда-то вычитал, что это – признак настоящего интеллигента.

Вероисповедование – православное, захожанин. Уважает священные тексты ислама, иудаизма, буддизма, ламаизма.

Предпочитает фильмы и книги нон-фикшн и киберпанк.

Любит хорошую поэзию (Пушкин, Лорка, Заболоцкий).

Глубоко увлечен средневековой поэзией и прозой Дальнего Востока (Япония и Китай).

Зачарован притчами Чжуан-цзы и суфийской литературой.

Красивист (по терминологии Ландау).

ВЕРЕЯ

Речка тихая Верeya —
И легка и звонка струя.
Словно вытканная лучами
Голубая вода твоя.

И плывут по ней облака,
Как ладьи в давние века.
И взметнулась ввысь колокольня,
Словно машущая рука.

Только потом он узнал, что речка, протекающая по Верее и теряющаяся в камышах и водорослях, называется Протва. Да ему это и неважно было. Главным было ощущение пронизанности всего вокруг ярким солнечным светом и прохладным ощущением счастья, наполняющего организм до краев. Снаружи было тепло, а внутри прохладно, отчего флюиды счастья проистекали из него и обратно непрерывно. Термопара маленького счастья.

Намахавшись кувалдой в стройотряде до изнеможения, раз в неделю он приезжал в Москву, шел в свою комнату в общежитии на 15-м этаже и ждал ее. На этаже было пусто. Легкое эхо бродило по залитым солнцем коридорам.

Она маленькой точкой появлялась из-за угла химфака

и шла по направлению к Главному зданию. Он сразу безошибочно узнавал ее, распахивал окно и ликующе кричал, растягивая ее имя на гласных. Она останавливалась, махала рукой и ускоряла шаг.

Потом пленка воспоминаний рвалась и дальше мелькали отдельные кадры. Вот она, стоя у окна в комбинации, курит, задумчиво глядя в окно. Вот он ловит ее испытующий взгляд искоса и просто любуется ей, не обращая внимания на облачко тревоги на ее лице. А вот она идет впереди него к лифту – он опять любуется ее ладными ножками в туфельках на шпильках и мелкими шажками из-за юбки-бочонка и Х-образной формы ног, о которой одна опытная женщина сказала ему, что с такими ногами рожать будет легко. Причем тут рожать, – не успевал подумать он, как они уже садились в лифт, притикали друг к другу и становились одним целым, не дожидаясь, пока закроются двери. Пятнадцать этажей поцелуя приводили его в полуобморочное состояние, в котором были перемешаны бешеный стук сердца, готового выскочить из груди, пронзительная грусть близкого расставания и всепоглощающая любовь к этим бездонным глазам.

Потом всю неделю он жил ожиданием этих мгновений.

Во время очередной встречи она показала ему фотографию своего двухлетнего сына. Он мельком глянул на сморщившегося в улыбке малыша, и он ему не понравился. Она поняла это и сразу погасла. Она вдруг ясно увидела, что он сам еще ребенок.

Собственно, после этого все и закончилось. Стремительно. Когда он вернулся в начале сентября, и они вновь встретились, она была строга и печальна. После нескольких, ничего не значащих фраз, она решительно сказала ему, что «отошла» от него. Он не сразу понял и стал переспрашивать ее, все еще не веря в происходящее. Она повернулась и просто ушла.

Навсегда.

КУИНДЖИ

Лагеря закончились быстро. Помесив глину под Светлогорском и разучившись есть вилкой и ножом (с этим у меня, честно говоря, и до лагерей были проблемы), мы сдали госэкзамен и стали лейтенантами запаса.

Я валялся в общежитии в состоянии счастливого *dolce far niente* (откуда-то я помнил, что у итальянцев так называется особое состояние ничегонеделания), когда в комнату влетел Мишка Кутырев. Мы с ним работали в моем первом стройотряде на целине и, несмотря на разницу в два курса, вполне сносно относились друг к другу.

Мишка тут же спросил, чем я собираюсь заниматься и, услышав, что ничем, сказал, что есть классная работенка для двух здоровых ребят под Москвой. По его фразам было понятно, что работа непыльная – махать полуторапудовой кувалдой от рассвета до заката на свежем воздухе. Трудно поверить, но через минуту мы с ним бродили по пустой общаге, разыскивая второго идиота. Им оказался мой одноклассник Юрик. Мосластый сахалинец, мастер игры во всевозможные «болы» (волейбол, футбол, баскетбол и тд). Юрик от рождения обладал необыкновенной сноровкой управляться с накачанными сжатым воздухом сферами на уровне первого разряда. Как-то мы играли в футбол на большом поле. И на Юрика летел мяч, выбитый вратарем противника от во-

рот. Юрик стоял в центре поля и задумчиво наблюдал за приближающимся сверху мячом. Потом он подпрыгнул и «ножницами» через голову вбил этот мяч через полполя под перекладину.

В волейбол он играл так же, по наитию. На первом курсе к нам пришел игрок сборной факультета по волейболу – оценить пополнение. А надо сказать, что в сборной факультета играли ребята, некоторые из которых раньше играли в сборной СССР и которые до сих пор вписаны во все энциклопедии волейбола. Так вот, этот парень в двусторонней игре выпрыгнул и нанес разящий удар в первую линию. Как это произошло, никто не успел заметить, но мяч был отбит и поднят, а на полу лежал Юрик, огорченно покачивая головой, – не совсем точно среагировал.

Короче, через пятнадцать минут мы стали бойцами стройотряда «Верея-74» и на следующий день выехали под Можайск.

Дальше нас переправили на место работы – в небольшой лесок, в котором стоял вагончик, в котором мы с Юриком и поселились. Еду нам привозили на мотороллере раз в три дня. Работали, действительно, от рассвета до заката. Когда мы шли на работу, таща на плечах свои кувалды, в небе стояла луна. И когда возвращались, опять стояла та же луна.

Фитнес-клубы, тренажеры, шесть кубиков пресса... Неделю такой работы, как у нас, и Шварценеггер застрелится от зависти, увидев ваши фигуры.

Мы вбивали в дно мелиорационного канала колья-сваи по метр двадцать длиной. Двадцать сантиметров должно было остаться снаружи, а остальное надо было вбить, молотя кувалдой по верхушке кола раз за разом. Не все колья выдерживали, и тогда приходилось вытаскивать кол с измочаленной верхушкой из вязкой глины и вбивать новый. Все это делалось по колено в воде, текущей по дну канала и под палящим солнцем.

По соседству с нами работали два литовца – они гнали такой же канал, но гораздо быстрее нас. Как-то Филька (один из литовцев) посидел на берегу, глядя на нашу работу. У меня торчало три кола с измочаленными верхушками, и я откладывал их вытаскивание на потом. Филька ушел к своему вагончику, вернулся с бензопилой и молча аккуратно срезал верхушки моих колов, оставив ровно двадцать сантиметров сверху. Повернулся и пошел к своему каналу. Мы с Юриком помолчали, но бензопилу до конца сезона у ребят так и не попросили.

И вот как-то бредем мы с Юриком после очередного дня к своему вагончику. А луна уже вышла из-за деревьев. И такая она была яркая и платиново-серебряная, что я решил приободрить Юрика.

– Смотри, Юрик, – сказал я ему, – луна просто как у Куинджи.

– Куинджи бы сюда, – мрачно отозвался Юрик.

PS Теперь Юрик живет в Штатах и иногда мы перегово-

риваемся с ним по скайпу. У него жена-американка и двое чудесных детей. Забавно, но про Куинджи я ему так ни разу и не напомнил. Да он бы и не вспомнил, как я думаю.

МОЛОКО ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЫ

Меня всегда восхищали ценники в винных отделах супермаркетов. Нередко они воспроизводили название рейнских и пфальцских вин LIEBFRAU MILCH как «Молоко любимой женщины». Трудно представить себе того, кто стал бы доить любимую женщину, но бравых товароведов это не смущало – полки магазинов были уставлены этим чарующим напитком со слегка обескураживающим названием.

Впервые я столкнулся с ним в далеком теперь 1974-м году. Мы с Юриком работали в стройотряде под Можайском. Жили в вагончике в лесу, еду нам возили раз в три дня, у нас стояли два трактора и один экскаватор. Вечером трактористы и экскаваторщик уходили домой, а мы заводили мелкий ДТ-74 и он, чихая и фыркая, вез нас по освещенной лунной дороге в соседнюю деревню за молоком. Как-то трактористы крепко запили. Мы их прогнали от греха подальше и работали на тракторах сами. Особенно мне нравился мощный Т-100 с болотными гусеницами, каждая шириной в метр. Когда я вел его по извилистому краю канала, приходилось время от времени хвататься за правый рычаг двумя руками, поскольку правый фрикцион стерся и трактор запросто мог свалиться в канал с 4-метровой высоты. В общем, впечатле-

ний хватало.

Раз в неделю мы, заросшие и обгоревшие, являлись к командиру отряда, брали аванс и ехали в Москву развеяться. Обычно мы шли в ресторан гостиницы «Университетская», набирали всякой еды и ели ее ложками, отвыкнув от вилок и ножей. А запивали эту роскошь хорошим шампанским. Вдоволь насладившись свободой, вкусной едой и бездельем, мы выходили на шоссе, тормозили кого-нибудь и возвращались обратно. Подвозили нас в основном грузовики или «скорые».

В очередной раз официантка в ресторане замешкалась и сказала: – Шампанского нет, ребята, но у нас появилось новое немецкое вино – оно немного похоже на шампанское. Хотите?

Делать нечего, мы согласились. Она принесла литровую бутылку, открыла ее и налила соломенно-желтое вино в бокалы. Мы попробовали и... нам понравилось. Вино оказалось прохладным, умеренно сладким и слегка пощипывало язык. О шампанизированных винах мы тогда не слышали. Бутылку мы прикончили быстро и по привычке отправились «стрелять» скорую.

Это волшебное вино и было тем самым LIEBFRAUMILCH. Что оно переводится как «МОЛОКО БОГОМАТЕРИ» и является монастырским вином, мы вскоре разобрались и потом я не раз потешался над молоденькими кавистами, упрямо воспроизводившими первоначальную

глупость машинного перевода. Да и что с них было взять, если они не слышали о цимлянских винах, а в то, что Масандра производит только десертные вина, верили с истовостью паломников. Услышав это, я задумчиво спрашивал: – А что же тогда я пил целое лето в Ялте?

Впрочем, все это было потом. А в тот вечер мы с Юриком впервые попробовали волшебный напиток немецких монахов, за что я им по сей день благодарен.

ГЕРА

Колья для канала мы получали у Геры. Раз в неделю мы приезжали в низенький дощатый сарай, в котором стояли циркулярка и два верстака. Царил здесь Гера – сухой, скуластый крепко сбитый немногословный мужичок в сером суконном фартуке.

Гера брал нетолстый кругляк, аккуратно, по мерке, распиливал его на обрубки по метр двадцать, затем четырьмя точными движениями заострял их с одной стороны и сбрасывал в штабель. Звуковое сопровождение этого процесса требует отдельного описания.

Пиля кругляк, Гера быстро приговаривал: – Ёптыть, ёптыть.

Обрезая концы кольев, он приговаривал: – Е*ёныть, е*ёныть.

Набрав штабель, он со вкусом говорил: – Ё* твою мать.

И, закончив всю работу, вздыхал: – Е*ить твою мааааать.

У Геры в сарайчике твердо обосновалась местная мужская общественность, соблюдавшая жесткий регламент, наподобие «аглицкого клоба». Думаю, строгость этих нравов одобрил бы сам Петр Яковлевич Чаадаев. Время от времени на улице тормозил грузовик, водитель сбрасывал в пыль мешок то картошки, то огурцов, торопливо кричал: – Гера, запиши на меня, – и быстро уезжал дальше. Время от времени

заходили тихие сиреневые мужички, принося – кто буханку хлеба, кто бутылку водки, кто три огурца (пока кобра спит) и все это Гера аккуратно записывал в большую тетрадь, вроде бухгалтерской. Апофеозом этой деятельности являлись негромкие общие посиделки на накопленные средства.

Как-то, разговорившись, Гера рассказал, что в армии участвовал в подавлении венгерского мятежа. Помолчав, вспомнил, как по вечерам они выковыривали куски мяса из траков танков. Потом надолго замолчал и больше нам не удалось разговорить его на эту тему.

ЭМБРИОН

Он проснулся и обнаружил, что лежит, подогнув коленки и сложив руки – в позе эмбриона. Перед этим он заснул не сразу – с вечера болели суставы и пришлось долго искать позу, в которой боль ощущалась меньше. Но он точно помнил, что это была другая поза. Во сне его тело само нашло оптимальную форму и приняло ее.

Некстати вспомнилось, что где-то читал о том, как выглядят трупы сгоревших на пожаре. Они тоже принимали позу эмбриона.

Что общего могло быть у него с ними? Может, то, что боль присутствовала и там и там? Просто там она была ослепляющей, последней. Может, его тело тоже сгорает, просто очень медленно? Стягиваются сухожилия с возрастом, усыхают хрящи, провисают и усыхают мышцы, и привычный мышечный корсет больше не поддерживает его, оставляя скелет один на один с безжалостной гравитацией?

Год назад ему достался курс по стратегии развития для магистрантов, и он, по давней привычке, закопался в новый материал, ища в нем искорки и изюминки, находя смысловые опоры, на которых, не спеша, выстраивал логический каркас будущего курса. И нечаянно залез несколько глубже, чем того требовала преподавательская привычка.

Все началось с цитаты незабвенного адмирала Шишко-

ва, неукоснительно следившего за чистотой русского языка и ревностно оберегавшего его от нашествия иностранных заимствований. Появление термина «развитие» повергло адмирала просто в ярость. С его точки зрения, было просто недомыслием взять половину неразрывной французской пары понятий «development – envelopment», Он был возмущен этим до глубины души – как можно развивать то, что не было предварительно свито! И был в корне прав. Эта логическая ошибка, к сожалению, дошла до нашего времени и разрослась до государственных масштабов. Теперь все что-то «развивают», только ленивый не употребляет это присловье. Стратегии развития, территории опережающего развития развитие, развитию, о развитии. Витии, витии...

Человек зарождается свитым в форме эмбриона и развивается всю свою жизнь. И вот, наконец, он развился окончательно и лежит в морге на цинковом столе голенький – ровный... спокойный... развитый. И к этому он стремился – этого он хотел?!

Может, сгоревшие «эмбрионы» и свидетельствуют о том, что в огне он родился заново и ушел в недоступную нам новую жизнь, полную огня и света?

А может, и его ночной эмбрион говорит о том, что он на пороге новой жизни? Новой стадии развития? Не прозевать бы и вовремя понять – может, в этом и есть глубокий смысл старости?..

Недаром великий остроумец Ларошфуко как-то грустно

заметил: «Немногие умеют быть стариками».

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИНВАЛИДНОСТЬ

Прочитал в новостях, что Министерство труда предложило ввести понятие «интеллектуальная инвалидность» и понял, что диагноз нашему времени найден. Точный и беспощадный.

Теперь все, что я видел на экране, получило ясную рамку. Показывают инвестиционный форум с хвастливыми заявлениями о несуществующих иностранных инвестициях – вижу, что вещают инвалиды. Включаю ток-шоу – уныло беснующиеся инвалиды за стойками и инвалиды же, уныло аплодирующие им по сигналу табло.

Переключаю на свежий КВН – молодые, но уже стареющие инвалиды с инвалидскими шутками-заготовками.

Отныне интеллектуальная инвалидность – наша очередная скрепа, отделяющая овнов от козлиц. Теперь с детства все будут расставлены по ранжиру и разложены по полочкам – дети элиты, оптимизируемый контингент и интеллектуальные инвалиды детства.

Первым – прямая дорога в сотню лучших вузов, вторым – в базовые вузы дистанционной формы обучения и третьим – в колледжи и лицеи-ПТУ.

Спасибо светочу научной гуманитарной мысли Тине Кан-

делаки¹, непорочными устами которой только что эта система навечно закреплена в Инстаграме как курс на национал-социализм. Еще большее спасибо ей за попытку исправить собственную неграмотность – она оправдала свою опisku обилием социальных инициатив в свежем Послании Президента.

Так что, #Всенаматч!

¹ Если кто не в курсе, сия выдающаяся особа ухитрилась стать членом Ученого совета РГГУ, параллельно обучаясь там же в аспирантуре.

С ВЕТРОМ В ПОЛЕ

Девушка ушла.

Вот уже полгода я видел ее в одно и то же время в кафетерии крупного магазина. Обычно она появлялась в 11 часов – когда ранние пташки из числа преуспевающих гастарбайтеров успевали наскоро перекусить, громко обсуждая свои строительные дела по-узбекски или таджикски, а молчаливые любители бизнес-ланча еще не подошли. В кафетерии сидело два-три случайных пенсионера, вроде меня, и матери с детьми. Дети были школьного возраста, видимо, как раз по пути из школы домой. Мамы что-то внушали им, время от времени отвлекаясь на разговоры по телефону. Они сразу начинали широко улыбаться, громко говорить и неестественно хохотать, оглядываясь по сторонам – все ли оценили их позитив и очарование. Могу сказать, что все, кроме их собственных детей.

Девушка была лет тридцати – свежая и розовощекая. Нежный румянец, полные губы и слегка раскосые глаза привлекли мое внимание сразу. Она никуда не спешила, выпивала чашечку кофе, потом сидела, задумавшись, какое-то время и быстро уходила. Я ни разу не видел, чтобы ее кто-нибудь сопровождал или звонил ей по телефону. Одета она была всегда со вкусом – ярко, но не вульгарно. Я бы даже сказал – стильно.

Кто она? Разведенная жена небедного мужа с хорошим содержанием? Судя по графику посещения кафетерия, вряд ли она где-нибудь работала. Для фриланса она слишком регулярно посещала кафетерий. Богатая содержанка или дочь богатых родителей, предоставивших ей свободу? Я терялся в догадках, продолжая любоваться ей, как редкостным цветком. Молодая вдова, получившая наследство? На последний вариант наводила ее постоянная задумчивость, граничащая с печалью.

При виде ее я невольно вспоминал Заболоцкого:

Отвори мне лицо полуночное.

Дай войти в эти очи тяжелые.

В эти черные брови восточные.

В эти руки твои полуголые.

Именно восточные. Чем-то она напоминала мне Ольгу Куриленко – времен не «девушки Бонда», а партнерши Джереми Айронса.

Может, она, как и я, приходила сюда за прививкой от провинциальности? В нашем маленьком городке было немного мест, где не ощущалось мертвящее дыхание русской провинции. «АВ-маркет» был одним из них. Надо отдать должное новым хозяевам, – когда они купили голландский «SPAR» и повесили новую вывеску, сам магазин, с тщательно выстроенным прежним директором сервисом, почти не тронули.

А прежним директором я просто любовался. Он успел поработать в европейском ритейле за границей и новый магазин «выстраивал» с начала его строительства. Часто я видел его в торговом зале. Причем, не с инспекцией подчиненных. Если он видел, что где-то товар сдвинулся или упала упаковка, не звал уборщицу или мерчендайзера, а сам устранял «прокол» в своем отлаженном до мелочей хозяйстве. И это было главным – его сотрудники старались во всем походить на него. Он оборудовал свой кабинет экраном и видеотехникой и сам проводил тренинги для персонала. Как-то я предложил ему свои услуги, но он вежливо уклонился. И, глядя на результат, я с уважением отнесся к его решению. Часто бывая в Москве, я не встречал супермаркета, в котором мне было бы так же уютно, как в нашем.

Видимо, просто ей тоже нужна была эта атмосфера маленького, но приличного современного города.

СКРИПАЧ В ПРОМОРОЖЕННОМ ЗАЛЕ

Филармония в Херсоне представляла собой обычное старинное здание, выкрашенное когда-то розовой краской и украшенное обычными же гипсовыми гирляндами цветов и гроздьями винограда. Посещалась она из рук вон плохо, но нас это устраивало, поскольку в зале всегда можно было выбрать удобное место, и иногда даже сиживать в ложах.

Но вот репертуар концертов и музыкантов просто поражал. В маленький Херсон иногда приезжали мировые знаменитости, о которых местная публика имела смутное представление. После их отъезда она тут же забывала их звучные имена, погружаясь в привычное фланирование по вечернему проспекту Ушакова. Насколько торжественно соблюдался ритуал-таинство вечерней прогулки в Херсоне, мне больше видеть не приходилось. Это было крейсерское следование в кильватере и фарватере встречных потоков по обеим сторонам проспекта – туда-сюда, сюда-туда и обратно...

Шли семидесятые годы – еще не застой, но предчувствие его.

Как-то в феврале мы с Геной взяли билеты на концерт итальянского скрипача Уто Уги. На афише было указано, что он является концертмейстером Нью-Йоркского и Филадельфийского филармонических оркестров.

фийского оркестров.

На концерт собралось восемнадцать человек. Мы сидели в промороженном насквозь зале, не раздеваясь и сбившись в кучку – видимо, инстинктивно надеясь, что так будет теплее. Билетерши шепотом попросили нас рассестся в шахматном порядке, чтобы создать хотя бы видимость заполненности зала. Мы послушно расселись. В ложе за моей спиной стена была покрыта инеем.

Вышел маэстро. Он был в смокинге со сверкающей в луче прожектора скрипкой – явно, старинной. Мы замерли, и он начал играть. Он играл и играл, а мы просто потеряли ощущение времени – так хорошо он играл.

Где-то в конце третьей пьесы я обратил внимание на то, что на его лице появились капельки пота. Потом капельки стали собираться в маленькие ручейки и потекли по лаку корпуса, грифу и капля за каплей стали падать на пол, сверкая в луче прожектора. Зал затаил дыхание. Мы видели мастера, которому было неважно – где он и кто перед ним. Он играл не для нас, а для того, кто был нам не виден. Того, для кого только и играет настоящий артист.

Маэстро закончил. Он был бледен. Мы аплодировали. Мы только что увидели в маленьком зале провинциальной филармонии настоящее чудо.

Позже я узнал, что директор нашей филармонии дружил с директором Одесской филармонии и тот всегда посылал доставшихся ему знаменитостей в маленький Херсон. И спа-

сибо ему за это.

PS Каждый раз, когда я смотрю эпизод «Оттаявшие звуки» из мультфильма о Мюнхгаузене, я вспоминаю этот концерт в замороженном зале херсонской филармонии, и звуки волшебной скрипки Уто Уги снова оттаивают в моей памяти.

Кстати, Уто Уги жив-здоров, живет в Италии и записывает музыку в студии.

БОЛЕРО

Вечером мы с Геной пошли в Большой зал консерватории на что-нибудь. Гена окончил музыкальную школу и потому музыку слушал осмысленно. Я же слушал ее по-крестьянски напряженно, пытаюсь понять, что же в ней такого есть. Я чувствовал, что есть, но не понимал – что. Упорство же мое объяснялось надеждой на то, что еще чуть-чуть – и мне откроется тайна музыки, благодаря которой я смогу понять что-то еще более глубокое, о чем догадываюсь пока смутно. Ведь не зря же Ницше сказал, что консонанс в музыке нам дан только для того, чтобы мы не сошли с ума от ее истинной сущности – реального диссонанса.

Итак, в программе был концерт французских романтиков – почти полный консонанс с легкими признаками диссонанса. Было жарко и душно, а в буфете не было холодильника. Мы выпили по бокалу теплого сладкого шампанского и поднялись на балкон. Весь балкон был занят студентами консерватории (видимо, их пускали бесплатно, что было бы вполне справедливо).

В первом отделении были фортепианные пьесы Дебюсси. В перерыве нас разбудили громкие голоса студентов, и мы вышли подышать во внутренний дворик консерватории. Все второе отделение было отведено под «Болеро» Равеля, которое я знал почти наизусть и мог довольно похоже отстучать

его нарастающий ритм. Но скучать не пришлось. Неподдалеку от нас сидел парень, который слушал с закрытыми глазами и потихоньку начал сопровождать музыку руками. Наверное, с дирижерского факультета, успел подумать я, как вдруг заметил, что ускоряющийся темп музыки вызвал ускорение жестикуляции парня и вскоре его начало бросать из стороны в сторону. От падения в партер его удержали два соседа, которые, видимо, наблюдали это не в первый раз. Он открыл глаза, явно смутился и затих, прикрыв глаза.

Но, через некоторое время, его опять пришлось удерживать. И так – до самого конца. Более экспрессивного восприятия музыки я в жизни не видел. А парень остался в памяти как пример полного погружения в дело, которым занимаешься в жизни. Сейчас принято говорить «по жизни». Сравните эти два выражения, и вы поймете, насколько бледно и картонно звучит последний вариант. Это – скольжение по всему, что тебя окружает, без оставления следа в нем. И напоследок... Сейчас вместо «скольжение» сказали бы «серфинг».

Еще один шагок к необратимой потере смысла.

ЖИЛ НА СВЕТЕ РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ...

Блицкрига не получилось.

Он мечтал уволиться в один день на правах пенсионера. Но отдел кадров попросил его уволиться через три дня, поскольку ректор не успел подписать приказ.

Ладно, через три, так через три.

Готовился к этому шагу он давно. Еще год назад написал и вывесил в интернете книгу «Побег из стратегического курятника», в которой смешал перипетии собственной жизни с профессиональным опытом стратегического консультанта.

Работа в университете потеряла всякий смысл. Да, была удрушающая атмосфера на заседаниях департамента и ученых советов всех уровней, но главная беда гнездилась там, где он меньше всего ожидал — в аудитории. Он потерял контакт со студентами.

Он перестал понимать их. Пропала обратная связь. Раньше они улыбались его шуткам и парадоксам. Внимательно слушали, когда он рассказывал им примеры из собственной богатой практики консалтинга и работы в различных фирмах.

А рассказать было о чем.

Судьба бросала его из университета в бизнес и обратно

несколько раз. С каждой «ходкой» он возвращался к студентам с кучей живых примеров, которые в высшей школе неуклюже называли кейсами. Примеры были замешаны на жадности и предательстве. От них несло тупостью и ограниченностью весьма небедных людей. Из них прямо следовало, что количество полученных очередным персонажем денег было нелинейно связано с его интеллектом. И коэффициенты этой зависимости чаще всего были отрицательны.

Еще из них следовало, что нередко предприятия и компании федерального уровня управляются дилетантами и просто недалекими перепуганными людьми, которые имеют весьма приблизительное представление о принципах и законах менеджмента.

Попутно он решил весьма непростую задачу, сформулированную жестко – «если ты такой умный, почему такой бедный». Многие его друзья пасовали перед кажущейся справедливостью этой формулы – и действительно, почему? Ссылки на нестяжающих китайских мудрецов не спасали – в сторонке спокойно улыбались утопавшие в роскоши суфийские мудрецы. И примеры честной бедности тоже не утешали – быстро богатели не всегда тупые бандиты. Он сам знал коллег, которые, имея приличное образование и неплохие перспективы в науке, бросали докторантуры и становились фигурами федерального масштаба. Огорчала же его в этих метаморфозах, как то ни странно, самая малость. Он отчетливо понимал, что с этими ребятами, с ко-

торами когда-то собирали мерзлую картошку под дождем в раскисшем поле, он уже никогда не столкнется в автобусе или метро. Даже в самолете они не пересекутся, поскольку попадут в разные салоны.

Здесь придется сделать небольшое отступление и пояснить, что некоторые странности мышления начались у него еще в детстве. В шестом классе он доказал для себя теорему Лобачевского о сходимости параллельных прямых. Доказал очень просто – он просто представил себе две бесконечных, пересекающихся у его ног, линии, уходящие вдаль, и начал мысленно разводить их, поворачивая одну из них вокруг невидимой оси. Точка их пересечения убегала от него с все возрастающей скоростью, но конца ее убеганию не наступало – она исчезала в бесконечности, а линии так и не размыкались и не становились параллельными. Для него этого доказательства было достаточно.

Потом он «изобрел» дифференциальное исчисление, решая задачу международной олимпиады, которую задала их факультативу учительница физики. Все помучались и бросили, а он ходил три дня, как сомнамбула, пока на третий день не составил алгоритм решения, который, как потом оказалось, ученикам физматшкол просто давали в основах высшей математики. А ему для этого пришлось стать Ньютоном и Лейбницем одновременно.

На Всесоюзную олимпиаду по химии он попал случайно. В программе первого тура областной олимпиады была за-

дачка из учебника органической химии Робертса и Касерио для университетов. Гомологический ряд он составил быстро, но долго выбирал, в каком направлении его расположить. Расположил наугад и на следующий день не хотел идти на второй тур, уверенный в том, что завалил олимпиаду. Мать выгнала его из дома и отправила на второй тур. Оказалось, что он один решил эту задачу и по баллам с отрывом шел на первом месте, опередив признанных фаворитов. Экспериментальный тур все расставил по местам – он никогда не любил возиться с пробирками – и по общим итогам фавориты догнали его. Оргкомитет принял «соломоново решение» – на Всесоюзную олимпиаду послали его и двух признанных фаворитов. Забавно, что на первый курс химфака МГУ они поступили вместе и затем жили в одной комнате в общежитии. Еще более забавно, что фавориты, в отличие от него, поступили по апелляциям.

На химфаке было интересно, но сама химия интересовала его мало. Он все время отвлекался – то на необычные исследования профессора Кобозева, занимавшегося проблемами термодинамики мышления, то на принцип термодинамической пары Вейника, то... Короче, когда в начале второго курса объявили набор в специализированную группу математических методов в химии с усиленным преподаванием прикладной математики и компьютеров, он не раздумывал. Это закончилось дипломом по компьютерным расчетам электронной плотности молекул на основе спектров ядерно-

го магнитного резонанса. Как эти молекулы синтезировать, его уже не интересовало.

Диплом совпал с бурными событиями в личной жизни, что привело к тому, что результат диплома он получил буквально за неделю до защиты. Уходя на защиту, он слышал, как его руководитель диплома звонил в учебную часть и осторожно интересовался, можно ли за диплом поставить «двойку». Вернулся в лабораторию он с «пятеркой», но когда он заговорил об аспирантуре, шеф осторожно потрогал пиджак с левой стороны груди и вежливо, но решительно отказал.

На распределении его приглядела представительница министерства обороны и предложила ему прекрасный вариант – в лабораторию на Красногорском оптико-механическом заводе. Почти Москва с хорошей перспективой на заведование лабораторией, поскольку прежний руководитель собирался на пенсию. Но в ходе беседы с симпатичной представительницей заказчика в ближайшем ресторане прозвучало не менее соблазнительное предложение альфонсиады, после чего он предложил поменяться направлениями сокурснику, который горевал от того, что его отправляли на завод в Херсон. В голове быстро промелькнули море, Челкаш, рваная тельняшка, вольный ветер и... он оказался в Херсоне.

Херсон! Как много в этом звуке...

Естественно, он отчаянно рвался в Москву. Через полгода ему позвонил приятель и сказал, что у его шефа есть це-

левое место в аспирантуру Института кристаллографии АН СССР по тематике, близкой к его диплому. Он загорелся. Прилетел в командировку в Москву, где в «ленинке» скопировал тридцать американских статей по теме вступительно-го реферата, и с энтузиазмом засел за реферат. Но... В одной из статей авторы высказались, что если бы можно было построить спектрометр на гамма-лучах, электронную плотность, которую сейчас приходится считать по сумасшедшим алгоритмам квантовой физики, можно было бы просто фотографировать, как девушек на пляже. Сначала он подумал – пизоны. Для такого спектрометра потребуется зеркало, отражающее гамма-лучи, а сейчас в природе нет таких материалов. А потом задумался. Сейчас нет, но если наука поставит такую задачу, то она будет решена. И вся его предстоящая научная работа превратится в интеллектуальный шлак, пепел. Стало обидно. Помучавшись неделю, он позвонил шефу в Москву и вежливо отказался от аспирантуры. Приятель был просто ошарашен сначала самим отказом, а когда узнал о причинах, потерял дар речи. Да он и сам переживал не меньше, поскольку понимал, что только что собственными руками угробил перспективу научной работы в академическом институте в Москве...

Через четыре года, прорвавшись через два министерства, он добился направления в аспирантуру Московского института управления. Да-да, именно управления. Работа в отделе АСУП и мастером в цехе окончательно убедили его

в том, что заниматься в жизни надо проблемами самой жизни, а не поисками ее источника. Немалую роль в его выборе сыграл Гена. Гена закончил матфак Воронежского университета и разбирался в основах кибернетики профессионально, как математик. Кроме того, он открыл для него Тейяр де Шардена, Германа Гессе и много кого и чего еще. Они иногда ночи напролет бродили от его общежития до общежития Гены, перебивая друг друга и захлеб рассуждая об универсальных законах управления организациями и принципах мироустройства. Весь мир под звездным небом принадлежал им. Так они вместе и поступили в аспирантуру Московского института управления – они случайно услышали о нем по радио, и им просто понравилось название института. Кафедры выбрали со стенда в фойе института. Ему понравилось название кафедры теории управления, а Гене – организации управления в машиностроении. Сейчас, через сорок лет, вспоминая тех двух дурачков в фойе института, я искренне завидую им...

Промотаем пленку на сорок лет вперед. Он – профессор престижного московского университета (кстати, он так и не привык к тому, что теперь каждое высшее учебное заведение в Москве именуется «московским университетом»). И он никак не может смириться с тем, что профессор университета превратился в оператора учебного процесса. Поскольку из университетов практически исчезли ассистенты и старшие преподаватели вследствие мизерных зар-

плат, их функции плавно перетекли сначала к доцентам, а затем и к профессорам. Ежегодное увеличение нагрузки на десять процентов довольно скоро привело к удвоению нагрузки. Профессор стал вести занятия по четыре-пять, а иногда и шесть дней в неделю. Авторитет профессора не просто упал, а рухнул вследствие нового правила – «мы работаем на территории студента». А сам профессор превратился в глазах студента не то в официанта, не то в досадную помеху спокойно покопаться в интернете. Система оценок теперь позволяет студенту совсем не ходить на занятия, а потом, на экзамене, тщательно проверять, не задал ли профессор ему вопрос, который не указан в тексте рабочей программы. И тогда – бинго! – апелляция, комиссия и прочая и прочая... Проректоры и деканы доброжелательно советуют профессуре не ввязываться в конфликты со студентами.

Но вернемся к потере контакта со студентами, с чего этот рассказ и начинался. Сначала он с некоторым недоумением обнаружил, что студенты начали его проверять. И когда он не совсем точно указывал источник информации или называл другой год события, студенты тут же с помощью смартфонов находили эту информацию в интернете и поучающе поправляли его, переглядываясь и снисходительно улыбаясь. Потом появились целые группы магистрантов, которые вообще не обращали внимания на его присутствие, они сидели, уткнувшись в ноутбуки, обменивались найденным в интернете, смеялись невидимым ему приколам и в чатах обсужда-

ли последние новости по работе. Он даже пытался поговорить с ними откровенно, спрашивая, чего же они хотят. Объяснял, что то, что он им рассказывает, основано на его личном опыте и этого нет в учебниках и в интернете. Что в интернете они потребляют то, что плавает на поверхности... Бесплезно. Одна группа прямо сказала ему – Вы там говорите у доски, что считаете нужным, а мы сами возьмем то, что нам нужно. Ему отвели роль постоянно работающего телевизора на кухне! Его – с 38-летним опытом преподавания и 25-летним опытом практического консалтинга. Ему до сих пор звонили бывшие директора крупных предприятий и благодарили за проведенную им работу по настройке их предприятий. Он стал кандидатом в эксперты ВАК. Ему доверяли рецензировать самые сложные докторские диссертации. И ему же эти дети, у которых молоко на губах не обсохло, говорили: – Вы там что-нибудь поговорите, если у вас такая работа, а нам не мешайте, мы сами знаем, что нам надо...

Даже с этим унижением он мог бы смириться, если бы не видел, что уровень этих самоуверенных ребят катастрофически падает год от года. Они уже не знали, что такое линейная регрессия (даже магистранты крупнейших московских университетов, где он время от времени вел научные семинары у магистрантов), не могли прологарифмировать простейшие уравнения, не знали определения основных категорий и не интересовались своей специальностью вообще. Казалось бы, у него появляется миссия – победить этого Ле-

виафана растущего непрофессионализма и торжествующего дилетантизма!

Но он тут же вспоминал уровень знаний и требований современного производства и бизнеса и... опускал руки. Никому в реальном бизнесе его знания были не нужны. Падающая экономика диктовала свои правила и предъявляла свои требования к выпускникам. И неадекватным в этой новой реальности оказывался именно он – он, со своим маниакальным стремлением все совершенствовать и организовывать. Он понимал, но не принимал систему делать деньги на убытках и банкротствах. Также ему был неприемлем лавочный напор бездарной, но очень крикливой и назойливой рекламы. Он не понимал, как можно называть маркетингом мелкое жульничество на дутых скидках и манипуляциях с уменьшением размера упаковки. Весь этот мутный поток «креатива» и «оптимизации» порождал в нем чувство брезгливости. Но это, именно это было «в тренде» и востребовано. А его студенты были плоть от плоти этой системы. Их обработанные рашпилем ЕГЭ и залакированные интернет-патокой мозги прекрасно усваивали этот мозговой комбикорм и тут же требовали новой порции.

И вот теперь он свободен. В его распоряжении оказалась вожденная пенсия неработающего пенсионера. Система приняла его в свои липкие объятия и проиндексировала ее аж на целые 14%! Теперь он мог заняться тем, что откладывал до сих пор – своими проектами. А их накопилось нема-

ло – целых шесть штук. Впереди была целая жизнь – бед-
ненькая, но честная.

Если вы думаете, что он смирился и собирается жить
на пенсию – вы ошиблись. Он хорошо помнил строки Дер-
жавина:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом – громам повелеваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.